



Научная статья

УДК 94(47/54)

<https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.2>

СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ ИСТОРИИ ПОВСЕДНЕВНОСТИ. ЗАРУБЕЖНАЯ И РОССИЙСКАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ: ОПЫТ СРАВНЕНИЯ

Каринэ Размиковна Амбарцумян

Северо-Кавказский федеральный университет (д.1, ул. Пушкина, Ставрополь, 355017, Российская Федерация)
Кандидат исторических наук, доцент
karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

Аннотация. Введение. История повседневности развивается как полноценное научное направление, имеющее академическое признание и вызывающее большой интерес у читателей, увлекающихся историей, и не может рассматриваться как модный тренд. В этой связи актуальность предлагаемой статьи определяется постоянной рефлексией научного сообщества о том, что такое повседневность для историка и насколько продуктивным является ее изучение. **Материалы и методы.** Исследование основывается на анализе историографических источников, представленных трудами историков разных стран и различных поколений. Методологический инструментарий сочетает в себе традиционные методы исторического исследования и подход новой интеллектуальной истории. **Анализ.** К теме повседневности побуждал обращаться антропологический поворот в историческом знании, начало которому было положено французской школой «Анналов», пытавшейся ликвидировать крен в сторону политической истории. Общим местом в трактовке истории представителями разных поколений данной школы стало внимание к «истории снизу». В развитие этого подхода внесли большой вклад историки, проповедовавшие продуктивность микроистории. Наиболее выдающимся представителем микроистории стал итальянский ученый Дж. Леви. Значительный импульс в своем развитии история повседневности получила в 1980-е гг. в Германии. А. Людке считал название «история повседневности» не совсем удачным, но наиболее приемлемым, так как через этот подход формируется «просопография масс». Междисциплинарная природа изучаемых историками повседневности явлений побуждает обратиться к опыту социологов. Так, А. Лефевр призывает разделить повседневное и обыденное. В советской исторической науке все то, что касается повседневности, было отнесено к области этнографии. Одной из первых против тако-

го опыта в постсоветский период высказалась Н. Л. Пушкарёва, которая отмечала влияние на отечественный опыт изучения повседневности как традиции российского бытописания, так и достижений западной гуманитаристики. **Результаты.** Изучение процесса развития отрасли истории повседневности за рубежом и в России позволяет говорить о влиянии национальных традиций историописания и конкретного исторического контекста, который порождал определенные запросы в области исторической тематики, а также о стремлении историков разных поколений сделать обычного человека полноправным участником больших исторических событий.

Ключевые слова: история повседневности, историография, интеллектуальная история, историческая антропология, микроистория, «история снизу»

Для цитирования: Амбарцумян К. Р. Становление и развитие истории повседневности. Зарубежная и российская историография: опыт сравнения // Гуманитарные и юридические исследования. 2025. Т. 12. № 3. С. 362–370. <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.2>

Конфликт интересов: кандидат исторических наук, доцент К. Р. Амбарцумян является ответственным секретарем журнала «Гуманитарные и юридические исследования». Авторам неизвестно о каком-либо другом потенциальном конфликте интересов, связанном с этой рукописью.

Благодарности: исследование выполнено за счёт гранта Российского научного фонда № 24-18-20073 «Городская повседневность южной провинции. Эволюция массового сознания и повседневные практики горожан Ставрополя и Кавказских Минеральных Вод в 1920–1930-е гг.», <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>
Статья поступила в редакцию: 15.03.2025.

Статья одобрена после рецензирования: 18.05.2025.

Статья принята к публикации: 25.07.2025.

Research article

THE FORMATION AND DEVELOPMENT OF EVERYDAY LIFE HISTORY. FOREIGN AND RUSSIAN HISTORIOGRAPHY: EXPERIENCE OF COMPARING

Karine R. Ambartsumyan

North-Caucasus Federal University (1, Pushkin str., Stavropol, 355017, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Associate Professor
karina-best21@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9397-6197>

Abstract. Introduction. The history of everyday life is no longer a sign of scientific fashion. Enjoying academic recognition and arousing great interest among readers interested in history, it has developed into a full-fledged scientific field. In this regard, the topicality of the article is determined by the ongoing scientific reflection on what everyday life is for a historian and how productive its study is. **Materials and methods.** The study is based on the analysis of historiographic sources presented by the papers of historians from different countries and different generations. The methodology combines traditional methods of historical research and the approach of new intellectual history. **Analysis.** The anthropological approach of historical study, which was de-

veloped by French school “Annales”, attempted to eliminate the bias towards political history, prompted the turn to the topic of everyday life. A common ground in the interpretation of history by representatives of different generations of this school has become attention to “history from below”. Historians who advocated the productivity of microhistory made a significant contribution to the development of this approach. The Italian scientist, Giovanni Levi, is the most outstanding representative of microhistory. The development of everyday life history got a significant impetus in the 1980s in Germany. Alf Lüdtke considered the definition “history of everyday life” to be not entirely suitable, but the most acceptable as since through this approach a “prosopography of the

© Амбарцумян К. Р., 2025

masses" is formed. The interdisciplinary matter of the everyday phenomena studied by historians encourages us to turn to the experience of sociologists. Thus, A. Lefebvre called for separating the everyday and the mundane. In Soviet historical science, everything that concerns everyday life was considered as a subject of ethnography. Natalia Pushkareva was one of the first to speak out against such an approach in the post-Soviet period. She emphasizes the influence of both the tradition of Russian chronicling and the achievements of Western humanities on the Russian experience of studying everyday life history. **Results.** The study of the development of the field of everyday history abroad and in Russia allows making conclusion about the influence of national traditions of historical research and the specific historical context that gave rise to certain requests in the field of historical topics. Moreover, the intention of historians of different generations to make the ordinary person a full-fledged participant in great historical events is also remarkable.

Keywords: everyday history, historiography, intellectual history, historical anthropology, microhistory, "history from below"

Введение. История повседневности в российской исторической науке давно пережила свой бум, спровоцированный в постсоветский период открывшимися для гуманитариев возможностями применения различных подходов и методов в исследовании. Вообще для отечественной исторической науки интерес к бытовым деталям и образу жизни изначально был не чужд. Еще в дореволюционной российской историографии был популярен жанр описания быта и нравов (например, И. Е. Забелин, Н. И. Костомаров). В советской историографии в связи с институциональным пониманием истории, разные стороны повседневности не стали предметом самостоятельного изучения и определялись на академическом уровне как «мелкотемье» [4, с. 7]. Исследования разных сторон быта и образа жизни сосредоточивались в основном в этнографии.

Научность и полезность истории повседневности время от времени подвергалась сомнению, и не только в России. Непросто произошло становление отрасли в 1980-е гг. в Германии. В Великобритании история повседневности процветала даже в образовательном пространстве с 1918 г., но в 1970-х гг. была раскритикована как не уделяющая внимания национальной идентичности [23]. Однако, несмотря на сохраняющийся некоторый скепсис в отношении истории повседневности, она стала одним из значимых трендов развития современных социальной и гуманитарных наук. Более того, среди историков стало модным в свое исследование на любую другую тему добавить какой-то сюжет из повседневной жизни [28, р. 377].

Материалы и методы. Особенностью предлагаемой читателям статьи является характер источниковой базы проведенного исследования. Автором были проанализированы историографические источники, т. е. работы историков повседневности, российских и зарубежных. Наряду с традиционными методами исторического исследования, которые позволили проследить генезис исторической субдисциплины – истории повседневности – был использован под-

For citation: Ambartsumyan KR. The formation and development of everyday life history. Foreign and Russian historiography: experience of comparing. Humanities and law research. 2025;12(3):362-370. (In Russ). <https://doi.org/10.37493/2409-1030.2025.3.2>

Conflict of interest: KR Ambartsumyan, Cand. Sc. (History), Associate Professor, is the executive secretary of journal "Humanities and law research". The authors are unaware of any other potential conflict of interest related to this manuscript of interests.

Acknowledgments: the study was supported by the grant of the Russian Science Foundation No. 24-18-20073 "Urban Everyday Life of the Southern Province. Evolution of Mass Consciousness and Everyday Practices of the City Residents of Stavropol and the Caucasian Mineral Waters in the 1920–1930s", <https://rscf.ru/project/24-18-20073/>

The article was submitted: 15.03.2025.

The article was approved after reviewing: 18.05.2025.

The article was accepted for publication: 25.07.2025.

ход интеллектуальной истории. Новая интеллектуальная история изучает не только историю тех или иных идей, но и обстоятельства и формы их рождения, а также коммуникативные связи.

Анализ. В сравнении с периодом 1990-х гг., когда российские историки делали первые шаги в этом направлении, тема повседневности воспринималась отдельными исследователями как дань мимолетной моде, что порождало настороженность и даже критику. На сегодняшний день ситуация изменилась настолько, что в паспорте научной специальности 5.6.1. Отечественная история есть пункт «История повседневной жизни различных слоев населения страны на соответствующем этапе ее развития». Сейчас мы имеем дело с состоявшейся академической отраслью. О том, что история повседневности в России заняла прочные позиции, свидетельствуют отдельные результаты этого развития. Темы истории повседневной жизни востребованы не только для исследовательских трудов, но и для научно-популярных работ, ориентированных на широкий круг читателей. Большой интерес у российской читающей аудитории вызвала серия «Живая история: Повседневная жизнь человечества», которая представлена книгами отечественных и зарубежных авторов. Повседневность в данном конкретном случае наполнена бытописанием, то есть тем, что в первую очередь увлекает людей, интересующихся историей повседневности. Как справедливо заметил М. М. Кром, популярность такого рода коммерческих проектов связана с обещаниями издателей и авторов приобщить читателя к некоей тайне и закрытому миру [7]. Следует подчеркнуть, что в научном смысле история повседневности не является набором сенсаций. Повседневность – это не только яркие бытовые детали, но и рутина, которая тоже маркирует историческую эпоху, и, конечно, повседневность – это глубинное бытование людей с их индивидуальным, групповым и массовым сознанием. Другая серия «Культура повседневности» публикуется издательством «Новое литературное обозрение». Здесь задача

ставится масштабнее – вписать повседневную жизнь в контекст глубоких цивилизационных изменений, которые проживало то или иное сообщество в прошлом.

Эти взлеты и падения в становлении истории повседневности европейской исторической наукой были пережиты еще раньше. Уже в рамках исследований знаменитой школы «Анналов» стала возникать в связи со смещением акцента с государства на общество тематика повседневной жизни. Начиная с отцов-основателей Л. Февра и М. Блока, историкам данной школы был присущ интерес к социальной и экономической сферам. Так они пытались ликвидировать крен в сторону политической истории, преобладающей в позитивистской историографии [11]. Л. Февр предупреждал о бесплодности пустого коллекционирования и складывания исторических картин из архивных документов [19, с. 70]. Познание истории и понимание того, что такое история для французского ученого было результатом переноса исследовательского фокуса на человека: «История – наука о человеке, о прошлом человечества, а не о вещах и явлениях» [19, с. 19]. Антропологизация исторического знания побудила обратиться к теме повседневности, в которой человек проявляется самыми разными сторонами и с самыми разными свойствами и которая обуславливается исторической эпохой. Повседневность позволяет не терять из вида человека и одновременно не утратить связь с большим событийным контекстом, увлекшись складыванием мозаик из разрозненных событий. Речь идет о том, что те шаги, которые были сделаны основателями школы «Анналов», позволили постепенно уйти от плоского, одномерного и линейного видения исторического прошлого.

М. Блок и Л. Февр поставили под сомнение центральное место политической составляющей истории, снизили объяснительное значение и даже влияние тех действующих лиц и событий, которым в предшествующий период придавалось определяющее значение. Объект историка больше не сводился к кризисным периодам или моментам принятия сложных исторических решений, теперь можно было обратить внимание на более глубокие трансформации, затрагивающие не только власть и властные институты, но и социальную структуру, рыночные отношения и географию человека.

Так была подготовлена почва для антропологически осмысленного и статистически обоснованного анализа повседневной жизни, который Ф. Бродель предпринял на рубеже 1950-х годов [26, с. 26]. Знаковой работой в этом направлении стал один из томов его большого исследования «Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв.» – «Структуры повседневности: возможное и невозможное» [1]. Символично то, что данной теме Ф. Бродель отвел именно первый том, понимая

важность повседневных структур в цивилизационном контексте. Сводя воедино демографию, питание, костюм, жилище, техники, монеты и города, он исследовал рост и пределы доиндустриальных экономик, «грань между возможным и невозможным» [1, с. 37]. Ф. Бродель повседневную жизнь видел состоящей из мелочей, которые едва заметны во времени и пространстве. Чем больше историк сужает фокус зрения, тем больше вероятность, что он окажется в среде материальной жизни. Это изменение масштаба оживляет объекты, ранее не допускавшиеся в мастерскую историка, такие как продукты питания, напитки, манеры, жильё и одежда. Образ жизни и материальная культура неизбежно возникают перед взором ученого, как только он пытается выявить уникальность цивилизации, страны, отдельного сообщества. Из повседневных материальных мелочей складываются далеко не поверхностные различия отдельных обществ, которые, по мнению Ф. Броделя, может и должен реконструировать историк [1, с. 40]. Его научные выводы вышли за пределы домашней и частной сфер и достигли уровня проблем от источников энергии и валютных систем до развития способов транспортировки [26, р. 27].

Ученик Ф. Броделя Э. Ле Руа Ладюри продолжил работать в направлении, намеченном предшественниками, на этот счет он писал: «Что же касается истории строго событийной или злободневной, вроде ура-патриотической или революционной, то мне кажется, что она приносит в жертву себя хотя и законному, но зачастую тривиальному требованию. Неудивительно, что в эпоху, когда масс-медиа иногда путают, по выражению Мак-Люэна, «le message» и «le massage» («послание» и «массаж»), разрушая тем самым логику книги и мысли, злободневная история смогла быстро обрести манеру недистанцированного повествования в духе наших старых средневековых хроник, предшествующих вселенной Гуттенберга» [8, с.154–155]. Главный двигатель истории, в отличие от марксизма, он видел не в классовой борьбе, а в экономике, социальных отношениях и даже естественных природных и биологических явлениях. Последний фактор не просто декларировался историком, он издал труд «История климата». Российскому читателю Ле Руа Ладюри больше известен благодаря своей книге «Монтайо, окситанская деревня». Во Франции она вышла в 1975 г. и только в 2001 г. была переведена в России. История небольшой деревушки стала примером микроисторического исследования, написанного на материалах допросов местных жителей, проводимых инквизицией с целью выявления приверженцев ереси катаров. Здесь он соединил социально-демографический анализ с изучением мировосприятия средневековых крестьян [5, с. 14].

Общим для понимания истории представителями разных поколений школы «Анналов» стала трактовка прошлого как «истории снизу»,

что позволило выйти из тени «маленькому человеку». Такое же отношение к историческому прошлому декларировали представители микроистории. Один из основателей микроистории итальянский ученый Дж. Леви в 1990 г. выдвинул тезис: «Микроистория означает не разглядывание мелочей, а рассмотрение в подробностях» [10, с. 193]. К этому моменту микроистория избавилась от ироничной коннотации, в которой этот термин впервые употребил Ф. Бродель. Микроистория стала новым способом познания, открывающим возможность для проникновения в неисследованные области социальной истории [10, с. 194–195]. Например, на материалах небольшой пьемонтской деревни XVII в. Леви реконструировал биографии всех жителей, которые оставили документальный след и составил небольшой социальный портрет. Отрыва исследования от макроуровня не происходит за счет широкого спектра аспектов новой истории Европы, освещаемых Дж. Леви и имевших преломление в истории пьемонтской деревни. Изученная в книге реальность выявила особую поведенческую модель жителей на фоне укрепления абсолютистского государства и расширения рыночных отношений [9, с. 10]. Через микроисторию Леви развеял миф о том, что в новое время диктат государства преодолел слабое и несуществующее государство. С этой целью изучались и повседневность, и массовое сознание, и социальное поведение жителей деревни.

В конце 1960-х гг. начался историко-антропологический поворот в гуманитарном знании, и он деактуализировал универсализм, линейность и абсолютизацию в историческом познании. Значительное развитие история повседневности получила в последней четверти XX в. В 1980-х гг. в Германии на любительском уровне вспыхнул массовый интерес к изучению прошлого города, поселка или даже семьи, что осуществлялось в том числе через исследование повседневной жизни. Наиболее известны немецкие основатели академической отрасли А. Людтке и Х. Медик. С их помощью в немецкой науке оформилась *Alltagsgeschichte*, или история повседневности [3]. Академическое историческое сообщество сопротивлялось, и тем не менее к концу 1980-х гг. история повседневности в ФРГ стала полноценным научным направлением, благодаря чему удалось поднять на новый уровень изучение темы нацизма и механизмов его утверждения в стране через изучение жизни простых обывателей [6].

А. Людтке писал о том, что название «история повседневности» не совсем идеальное, но оно используется за неимением лучшего: «Тем не менее, это обозначение сохраняет свою полезность как краткая и лаконичная формулировка, направленная против традиции историографии, которая в значительной степени исключила «повседневную жизнь» из своего поля зрения»

[29, р. 18–19]. Самое главное, по мнению А. Людтке, что вместе с включением повседневной жизни в исследовательские практики социальные процессы наполнились не только деяниями выдающихся личностей, но и жизнями обычных людей, в том числе их тяготами и радостями, тяжким трудом и развлечениями. В какой-то степени произошла даже виктимизация истории, так как более четко стали просматриваться страдания и невзгоды обывателей [29, р. 18–19]. Насколько продуктивна история повседневности, А. Людтке проиллюстрировал на примере изучения рабочего движения, в пределах которого можно выявить особенности утверждения нацизма в Германии. Таким образом, возник особый метод для включения обычных людей в исторические процессы – просопография масс. Он категорически выступил против определения истории повседневности как дополнения к истории «великих событий» [29, р. 27]. Следует подчеркнуть, что данное понимание структуры истории повседневности сделало ее несводимой только к описанию быта, семейных отношений и частной жизни, не допуская изучения повседневности отдельных сообществ в отрыве от эпохи и истории страны.

В европейской и американской историографии в 1990-е гг. возник момент, когда историю повседневности грозила вытеснить новая культурная история. Четыре американских историка, специализирующиеся на истории Центральной Европы: П. Сидж, Э. С. Бергерсон, М. Хили и П. Э. Суитт – выступили в защиту именно истории повседневности: «История повседневной жизни устанавливает явные причинно-следственные связи – во всех их противоречивых напряжениях – между процессами микроисторического контекста и метанарративами макроистории» [28, р. 362]. В данной интерпретации для нашего исследования важно понимание авторами значения конкретных пространств, отдельных локаций и мест для осознания того, как функционирует изучаемое сообщество. Рынки, залы собраний, школы, транспортные узлы и т. д. могут отражать особенности изучаемого времени необычностью их использования. Так, станция метро в Берлине 1920-х гг. могла быть местом асоциальных встреч, границей района, экономическим узлом, очагом политического насилия, воротами во внешний мир для молодежи, точкой входа для пассажиров или государственных органов [28, р. 364].

Проблема повседневности жизни имеет междисциплинарную природу, в первую очередь нам интересен опыт социологов и такая субдисциплина, как социология повседневности. Например, большой вклад в развитие социологии повседневности внесли Н. Элиас и А. Шюц. Н. Элиас, социолог из Германии, будучи евреем, покинул страну в период нацистской диктатуры. Поэтому его работа «Придворное общество» так

и не была защищена как диссертация, однако имеет для науки большое значение. Здесь он соединил историю и социологию в процессе изучения феномена придворных обществ. Формирование абсолютной монархии он предлагал исследовать в социологическом ключе, в том числе изучать структуры, стратегии и повседневность придворных обществ. Так, один из разделов монографии посвящен структуре жилища как модели общественных структур [22]. Его магистральная труд «О процессе цивилизации» тоже стал вехой в междисциплинарном изучении проблем повседневной жизни. Через исследование учебников по формированию хороших манер XIX в. он показал, как люди подвергались дрессуре для вхождения в общество, что происходило в контексте конкуренции элит и усиления государства [18]. То есть через повседневные практики менялось сознание и осуществлялась адаптация целого социального слоя. Дальнейшее осмысление категории «повседневность» происходило и позже, и Н. Элиас отделил его от понятия «обыденный» и задавался вопросом, что такое «неповседневность» [24]. Австрийский социолог А. Шюц не отождествлял мир повседневной жизни и частный мир: «Люди, находящиеся в этой области, являются моими спутниками; они разделяют со мной общий сектор пространства и времени; нас окружает один и тот же мир; процессы моего сознания являются для него элементами этого мира точно так же, как и процессы его сознания – для меня» [21, с. 116]. Повседневный мир он определял как интересубъективный, как естественную среду существования человека, который её осмысливает, осваивает и делит с другими участниками социального процесса [27, р. 26]. Такая широта определения снизила конкретность понимания повседневности, но, с другой стороны, сделала эту сферу частью большой социальной жизни и не свела к проблеме частной жизни и быта.

А. Лефевр, французский социолог, определил «повседневность» как платформу, на «которой строится бюрократическое общество контролируемого потребления» [25, р. 9]. Конечно, автора в большей степени занимала современная ему ситуация. Однако многие его тезисы и выводы будут полезны для историков, взором обращенных в прошлое. Материальная культура, такая как вещи, мебель, здания, формирующие повседневность до XX в., понимались им без отрыва от принятых моральных и социальных ориентиров и символов [там же]. Понятие повседневности (everydayness) не мыслилось Лефевром как система, а скорее «общий знаменатель для существующих систем, включая судебную, договорную, педагогическую, налоговую и полицейскую» [там же]. Соответственно, повседневное и обыденное не может быть равнозначным и тождественным друг другу. Важный

вывод, который можем сделать мы сами, следуя логике автора, предполагает, что частная жизнь людей и публичное пространство не являются изолированными друг от друга и испытывают взаимное влияние. Для понимания механизмов данного процесса нужно обратиться к массовому сознанию, которое проявляется в частной и публичной сфере. На этот момент А. Лефевр тоже обращает наше внимание: «...повседневность также может быть проанализирована как консолидирующая основа для основных сфер социальной жизни: работы, семьи, личной жизни, досуга. Эти области различны по форме, но объединены тем, что в своей практике зависят от организованной пассивности. В досуговой деятельности это означает пассивность зрителя перед лицом образов и ландшафтов; на рабочем месте это означает пассивность перед лицом решений, в принятии которых работник не участвует; в личной жизни это означает навязывание потребления, поскольку доступные варианты выбора направляются, а потребности потребителя формируются рекламой и маркетинговыми исследованиями» [там же]. Мысль о пассивности провоцирует к дискуссии. Насколько точен вывод о пассивности в повседневности, можно рассмотреть на конкретном историческом материале советского общества. В условиях усиления давления государства и роста количества ограничений именно в повседневности обычные люди могли проявить какую-то волю и искать возможность выбора.

Повседневность имеет множество измерений, и одним из популярных направлений для историков является городская повседневность. В 1968 г. А. Лефевр издал работу «Право на город», ставшую хрестоматийной для специалистов, изучающих процессы урбанизации. В своих трудах он развил тезис о том, что каждый тип общества и способ производства формирует особое городское физическое и социальное пространство [2, с. 51–52]. Для нас важен вывод о том, что если революция не заканчивается изменением пространства и формированием нового, то она проиграна. Иными словами, исторические перемены влекут за собой новые явления в городской повседневности. Например, одно из основных доктринальных положений большевиков содержало представления о строительстве нового мира, включая человека и его повседневную жизнь. Конструирование нового социокультурного пространства в городах стало одной из задач советской власти в первые два десятилетия ее существования, что подтверждает тезис А. Лефевра.

В современной науке есть обобщающее представление о городе, который является опорным центром систем хозяйствования и расселения [15, с. 201]. При всем многообразии особенностей каждого города, он включает в себя и специфику городской повседневности,

что является следствием цивилизационных, страновых и даже локальных особенностей. Сугубо городская повседневность – такая же сфера междисциплинарного взаимодействия, как и проблемы повседневности в целом. В. Беньямин, немецкий философ первой половины XX в., один из первых исследователей городской повседневности, городской ландшафт видел через особый тип поведения, например, городское пространство порождало фланерство [20, с.227]. Фланер – это городской обитатель, лишний и отставший от жизни, для него город является местом созерцания. Его ничегонеделание и бесцельные прогулки стали формой социального существования [17, с. 414–415]. Этот отдельный типаж, конечно, характерен для Парижа XIX в. Однако сам по себе процесс выявления отдельных социальных типов не только занимателен, но и продуктивен. Он позволяет составить особый социальный портрет, характерный для отдельного пространства в определенную эпоху через повседневное существование города. Также в трудах В. Беньямина соединяются материальное производство, массовое потребление и политическая мобилизация, которые одновременно имеют место в городском пространстве [17, с. 419]. В данном случае для нас важна неотделимость материального от нематериального в городской повседневности. В том числе нематериальное воплощается в массовом сознании, которое функционирует в пределах определенного города, при этом подвергается влиянию не только факторов локального уровня, но и больших исторических трансформаций.

В советской историографии повседневность как тема была маргинализована. Доказательством тому служит судьба историка Б. А. Романова, уволенного из Ленинградского университета после критики его труда «Люди и нравы Древней Руси (Историко-бытовые очерки XI–XIII вв.)». Однако советские медиевисты, такие как А. Я. Гуревич, находили возможность изучать историю и культуру с близких школе «Анналов» позиций [5, с. 15]. Сам Б. А. Романов в традиционной для дореволюционной русской исторической науки манере отнес свое сочинение к историко-бытовым очеркам. Однако при обращении к самой работе становится понятно, что в Советской России она опередила свое время. Б. А. Романов не ограничился бытописанием и реконструировал социальные, экономические и политические процессы.

Советские историки изучали образ жизни и быт граждан СССР, но только для того, чтобы проиллюстрировать процесс социалистического строительства. Самостоятельного значения данная тема не имела, в соответствующих работах была представлена фрагментарно и с сильным идеологическим влиянием. При этом нельзя отрицать и заслуг исследователей, скованных идеологией. Было аккумулировано много фактического материала по вопросам образования,

здравоохранения, женскому вопросу, образу жизни советского человека и т. д. На современном этапе можно констатировать получение полноценного научного статуса в российской науке такой дефиниции, как «повседневность» [5, с. 15–16].

Н. Л. Пушкарева высказалась против отнесения истории повседневности к разделу культурологии или этнологии. Безусловно, историки много позаимствовали у этнографов и бытописателей, но добавили значимость событийной истории и многообразие человеческой реакции на исторические события [14, с. 12]. Соответственно и сам быт, и историческая ситуация предстают в совершенно новом свете. Вместе с Н. Л. Любичановским она предложила авторское понимание содержания категории «повседневное», которое включило в себя как публичную, так и частную жизнь, как быт, так и события личной жизни, к которым люди приспосабливаются, как поведение человека, так и его эмоциональные переживания [14, с. 9].

В российской науке сегодня, как справедливо отмечает Н. Л. Пушкарева, к «повседневноведам» себя относят этнографы, историки, социологи и социальные антропологи. Российские научные школы изучения повседневности оказались под влиянием как традиции бытописания, которая сложилась два века назад в российской науке, так и влиянием западной гуманитаристики [13]. В этой связи отграничение от традиционного для нашей страны описания быта истории повседневности стало одной из задач профессиональных историков. Н. Л. Пушкарева определяет историю повседневности, как отрасль исторического знания, изучающую человеческую обыденность во множественных историко-культурных, политико-событийных, этнических и конфессиональных контекстах [12, с. 21–22]. Следовательно, предметом изучения при данном подходе будет сфера человеческой обыденности. История повседневности расширяет собственные рамки в сравнении с этнографией за счет включения ментальных процессов на макро- и микроуровнях. Поэтому историк повседневности охватывает исследованием не только нормы, но и девиации и старается понять их природу и причину. Саму повседневность Н. Л. Пушкарева ярко и емко определила как ткань человеческих отношений. В то же время широта определения порождает проблему выявления и отбора источников, их или мало, или слишком много. Поэтому целесообразно максимально конкретно определять изучаемые аспекты [12, с. 22].

Повседневность многомерна, поэтому внутри отрасли стали образовываться ниши, которые в то же время выступают соединительными мостиками с другими направлениями исторической науки. Например, на стыке военной антропологии и истории повседневности находится тема военной повседневности. В этой области активно работают А. С. Сенявский и Е. С. Сенявская.

Для нас важна не сама проблема военной повседневности, а некоторые теоретические установки, которые историки постулируют в своей монографии [16]. Например, они призывают не увлекаться казусами в истории повседневности, так как они не делают историю, а скорее её украшают [16, с. 9]. Для нашей темы принципиален следующий тезис, который следует привести дословно: «Очень важно отличать повседневность „стабильного“ общества, общества трансформирующегося и общества, находящегося в экстремальной ситуации (внутренних и внешних потрясений). Это будет разная повседневность: рутинная, меняющаяся (адаптирующаяся, приспособливающаяся) и «выживающая» [16, с. 10]. Определение «повседневности», данное Н. Л. Пушкаревой и приведенное нами, А. С. Сенявский и Е. С. Сенявская уточнили, сделав некоторые пояснения. Во-первых, существенным признаком повседневности является непосредственность жизни и сочетание еще объективных проявлений и субъективных переживаний. Во-вторых, повседневность вписана в территориальный и исторический контексты конкретного социума. В-третьих, предметом исследования исторической повседневности могут быть ценности, чувства и поведение людей, как выдающихся, так и обывателей [16, с. 10–11].

Результаты. Изучение зарубежного, в сравнении с российским опытом, развития направления истории повседневности позволило выявить некоторые черты, которые связаны как с национальными особенностями в исторической науке, так и с историческим контекстом становления и развития отрасли. При кажущейся сложности процесса в России, история повседневности отстаивала свое право на существование и за рубежом. Например, в Германии академическое сообщество сопротивлялось новому веянию. Стараниями А. Людтке и Х. Медика история повседневности сложилась только к концу 1980-х гг. Большое значение в намерениях немецких историков имело желание разобраться с природой нацизма в обществе на уровне массового сознания обывателей. В США в 1990-е гг. история повседневности могла быть вытеснена новой культурной историей. В России большое значение имели традиции бытописания, сложившиеся еще в дореволюционный период. Современные отечественные исследовательские практики сложились под влиянием и этой традиции, и западной гуманитаристики. В постсоветский период российские историки постарались отделить историю повседневности от культурологии и этнологии.

Литература

1. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм в XV–XVIII вв.: в 3 т. Т. 1: Структуры повседневности: возможное и невозможное. М.: Прогресс, 1986. 623 с.
2. Вершинина И. А. Анри Лефевр: от «права на город» к «урбанистической революции» // Вестник Московского университета. Серия 18. Социология и политология. 2018. Т. 24. № 2. С. 48–60.
3. Девятайкина Н. И. История повседневности // Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 198–199.
4. Журавлев С. В. История повседневности – новая исследовательская программа для отечественной исторической науки // Людтке А. История повседневности в Германии: новые подходы к изучению труда, войны и власти. М.: РОССПЭН, 2010. С. 3–28.
5. Кринко Е. Ф., Тажидинова И. Г., Хлынина Т. П. Повседневный мир советского человека 1920–1940-х гг.: жизнь в условиях социальных трансформаций. Ростов-н/Д.: Изд-во ЮНЦ РАН, 2011. 360 с.
6. Кром М. М. Историческая антропология. URL: <https://www.el-history.ru/node/446> (дата обращения: 21.07.2025)
7. Кром М. М. Исследования как предмет исторического исследования (Вместо предисловия) // История повседневности: сборник научных работ. Серия «Источник. Историк. История» / ред.: Б. И. Колоницкий, М. М. Кром, В. В. Лапин и др. СПб.: Европейский университет, 2003. С. 7–14.
8. Ле Руа Ладюри Э. Застывшая история // Thesis. 1993. Вып. 2. С. 153–173.
9. Леви Дж. Нематериальное наследие: карьера одного пьемонтского экзорциста XVII века / пер. с ит. М. Юсим. М.: Новое литературное обозрение, 2023. 248 с.
10. Медик Х. Микроистория // Thesis. 1994. Вып. 4. С. 193–202.
11. Пименова Л. А. Анналы: Экономика. Общества. Цивилизации // Thesis. 1993. Вып. 1. С. 203–213.
12. Пушкарева Н. Л. «История повседневности» и этнографическое исследование быта: расхождения и пересечения // Гласник Етнографского института САНУ LIII. 2005(53). Январь. Р. 21–34.
13. Пушкарева Н. Л. Повседневная жизнь в России: междисциплинарный подход. 13–15 мая 2010 г., Блумингтон (Штат Индиана), США // Антропологический форум. 2011. № 14 Online. URL: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/07/14online> (дата обращения: 21.03.2025).
14. Пушкарева Н. Л., Любичанковский С. В. Понимание истории повседневности в современном историческом исследовании: от школы «Анналов» к российской философской школе // Вестник Ленинградского государственного университета имени А. С. Пушкина. 2014. Т. 4. № 1. С. 7–21.
15. Савченко В. А. Большие, средние и малые города в стратегии пространственного развития Ставропольского края // Вектор науки ТГУ. 2014. № 4(30). С. 201–205.
16. Сенявская Е. С., Сенявский А. С., Жукова Л. В. Человек и фронтовая повседневность в войнах России XX века: очерки по военной антропологии. М.: ИРИ РАН; Центр гуманитарных инициатив, 2017. 422 с.
17. Трубина Е. Город в теории. М.: НЛО, 2011. 520 с.

18. Укрощение повседневности: нормы и практики Нового времени / сост. М. Неклюдова. М.: Новое литературное обозрение, 2020. 456 с.
19. Февр Л. Бои за историю. М.: Наука, 1991. 632 с.
20. Хлевнюк Д. О. Елена Трубина «Город в теории». М.: НЛО, 2011. 520 с. // Социологическое обозрение. 2011. Т. 10. № 1-2. С. 223–228.
21. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А. Я. Алхасов. М.: Институт фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
22. Элиас Н. Придворное общество. М.: Языки славянской культуры, 2002. 368 с.
23. Carter L. Histories of Everyday Life – The Making of Popular Social History in Britain, 1918-1979, Oxford: Oxford University Press, 2021. URL: <https://journals.openedition.org/rfcb/10101> (дата обращения: 21.07.2025).
24. Elias N. Zum Begriff des Alltags // Materialien zur Soziologie des Alltags / Herausgegeben von Kurt Hammerich und Michael Klein. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 1978. S. 22–29.
25. Lefebvre H., Levich Ch. The Everyday and Everydayness // Yale French Studies. 1987. No. 73. Everyday life. P. 7–11.
26. Schilling D. Everyday Life and the Challenge to History in Postwar France: Braudel, Lefebvre, Certeau // Diacritics. 2003. Vol. 33, No. 1. P. 23–40.
27. Schutz A. Collected Papers I. The Problem of Social Reality. Vol. 1. Phaenomenologica. Springer, 1972. 413 p.
28. Steege P., Bergerson A.S., Healy M., Swett P.E. The History of Everyday Life: A Second Chapter // The Journal of Modern History. 2008. Vol. 80. No. 2. P. 358–378.
29. The history of everyday life. Reconstructing historical experiences and ways of life / ed. by A. Lüdtke. New Jersey: Princeton University press, 2018. 336 p.

References

1. Braudel F. Material civilization, economy, and capitalism in the 15th–18th Centuries: in 3 volumes. Vol. 1. Structures of Everyday Life: The Possible and the Impossible. Moscow: Progress; 1986. 623 p. (In Russ.).
2. Verzhinina IA. Henri Lefebvre: from the “right to the city” to the “urban revolution”. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Series 18. Sociologija i politologija*. 2018;2(24):48-60. (In Russ.).
3. Devyataykina NI. History of Everyday Life in Theory and Methodology of Historical Science. Terminological Dictionary / ed by AO. Chubar'yan. Moscow: Akvilon; 2014. P. 198-199. (In Russ.).
4. Zhuravlev SV. Everyday history – a new research program for russian historical science in Ludtke A. History of everyday life in Germany: new approaches to the study of labor, war, and power. Moscow: ROSSPEN; 2010. P. 3-28. (In Russ.).
5. Krinko EF, Tazhidinova IG, Khlynina TP. World of everyday life of the Soviet man in the 1920-1940s: life in the context of social transformations. Rostov-on-Don: Publishing House of the Southern Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; 2011. 360 p. (In Russ.).
6. Krom MM. Historical Anthropology. Available from: <https://www.el-history.ru/node/446> [Accessed 21 July 2025] (In Russ.).
7. Krom MM. Everyday life as a subject of historical research (instead of a introduction) in History of everyday life. Collection of scientific papers. Series “Source”. Historian. History”. Ed. BI. Kolonitsky, MM. Krom, VV. Lapin, et al. St. Petersburg: European University; 2003. P. 7-14. (In Russ.).
8. Le Roy Ladurie E. Frozen history. *Thesis*. 1993;(2):153-173. (In Russ.).
9. Levy J. Intangible heritage: the career of a piedmontese exorcist in 17th century. Translated from Italian by M. Yusim. Moscow: New Literary Review; 2023. 248 pp.
10. Medik H. Microhistory. *Thesis*. 1994;(4):193-202. (In Russ.).
11. Pimenova LA. Annals: Economies. Societies. Civilizations. *Thesis*. 1993;(1):203-213. (In Russ.).
12. Pushkareva NL. “The history of everyday life” and ethnographic research of everyday life: divergences and intersections. *Glasnik Etnografskogo instituta SANU LIII*. 2005;(53):21-34. (In Russ.).
13. Pushkareva NL. Everyday Life in Russia: An Interdisciplinary Approach. May 13–15, 2010, Bloomington, Indiana, USA. Available from: <https://anthropologie.kunstkamera.ru/07/14online> [Accessed 21 Marth 2025] (In Russ.).
14. Pushkareva NL, Lyubichankovskiy SV. Understanding the History of Everyday Life in Modern Historical Research: From the Annales School to the Russian Philosophical School. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta imeni A.S. Pushkina*. 2014;4(1):7-21. (In Russ.).
15. Savchenko VA. Large, medium, and small cities in the spatial development strategy of Stavropol krai. *Vektor nauki TGU*. 2014;4(30):201-205. (In Russ.).
16. Senyavskaya ES, Senyavsky AS, Zhukova LV. Man and everyday life at the front in Russia's 20th-century wars: essays on military anthropology. Moscow: Institute of Russian History, Russian Academy of Sciences, Center for Humanitarian Initiatives; 2017. 422 p. (In Russ.).
17. Trubina E. The city in theory. Moscow: New Literary Review; 2011. 520 p. (In Russ.).
18. Taming the everyday: norms and practices of the modern times / compiled by M. Neklyudova. Moscow: New Literary Review; 2020. 456 p. (In Russ.).
19. Fevre L. Battles for history. Moscow: Nauka; 1991. 632 p. (In Russ.).
20. Khlevnyuk DO. Elena Trubina. “The city in theory”. Moscow: NLO; 2011. 520 p. *Sociologicheskoe obozrenie*. 2011; 10(1-2):223-228. (In Russ.).
21. Schutz A. The semantic structure of the world of everyday life: essays on phenomenological sociology / compiled by AYa. Alkhasov. Moscow: Institute of the Public Opinion Foundation; 2003. 336 p. (In Russ.).
22. Elias N. Court society. Moscow: Languages of Slavic Culture; 2002. 368 p. (In Russ.).
23. Carter L. Histories of everyday life – the making of popular social history in Britain, 1918-1979, Oxford: Oxford University Press; 2021. Available from: <https://journals.openedition.org/rfcb/10101> [Accessed 21 July 2025].
24. Elias N. Zum Begriff des Alltags in Materialien zur Soziologie des Alltags / Herausgegeben von Kurt Hammerich und Michael Klein. Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften; 1978. S. 22-29.

25. Lefebvre H., Levich Ch. The everyday and everydayness. *Yale French Studies*. 1987;(73):7-11.
26. Schilling D. Everyday life and the challenge to history in postwar France: Braudel, Lefebvre, Certeau. *Diacritics*. 2003;33(1):23-40.
27. Schutz. A. Collected papers I. The problem of social reality. Vol. 1. Phaenomenologica. Springer; 1972. 413 p.
28. Steege P, Bergerson AS, Healy M, Swett PE. The history of everyday life: A second chapter . *The Journal of Modern History*. 2008;80(2):358-378.
29. The history of everyday life. Reconstructing historical experiences and ways of life / ed. by A. Lütke. New Jersey: Princeton University press; 2018. 336 p.